

К. П. МАТУТИТЕ

Феномен конформизма

Конформизм (от позднелат. *conformis* — подобный, сходный) — социально-психологическая

ориентация личности, которая проявляется не в самостоятельном, глубоко продуманном выборе жизненных и социальных ценностей, а лишь в пассивном, приспособительном отношении к существующему порядку вещей. Конформное поведение — это поведение согласное, некритическое. Конформистом называют того, кто без критического разбора присоединяется к суждениям, господствующим в определенных кругах.

В научных публикациях явление конформизма рассматривается на двух уровнях:

а) в границах исследования типологии обществ, психических типов либо общей теории общественных явлений; сюда можно отнести работы Токвиля, Милля, Тарда, Дюркгейма, Мертона, Рисмана, Знанецкого, Оссовского;

б) в границах эмпирических исследований общественной психологии с применением группового эксперимента, стандартизированной ситуации, шкалирования, тестов, социометрии и т. д.; здесь наиболее значительными являются работы Аша, Шерифа, Торндайка, подтверждающие тезис о склонности людей подчиняться мнению большинства либо тех, кто в их глазах является авторитетом.

Чаще всего в науке пользуются понятиями конформизма и неконформизма, взятыми из обыденного языка, то есть уже имеющими эмоциональную окраску и оценочную характеристику. В результате такой интерпретации понятие конформизма получает отрицательную оценку, а характеризуемый этим понятием субъект морально дисквалифицируется. Конформизм лишается тех положительных аспектов, которыми он, не-

сомненно, обладает, так как определенная степень конформизма для любого общества столь же необходима, как и система норм.

Приклеивание кому-либо этикетки неконформизма может вызвать у нас три различные оценки:

1. Неконформистов считаем людьми смешными и безвредными, пренебрегая их неконформизмом.

2. Возмущаемся неконформистами и порицаем их.

3. Оцениваем таких индивидов положительно, усматривая в их исключительности наличие позитивных ценностей, например признаков гениальности и т. п.

Конформизм часто снабжается прилагательными «правдивый», «здоровый» и т. д. В качестве примера здорового конформизма можно назвать один из рисмановских идеальных типов приспособления к обществу «автономного человека», а также сцены «истинной богемы» в работе Мургера («Сцены из жизни богемы»), где автор дает четыре типа богемы. Элементы неконформизма выступают в элитарных моделях, которые становятся тогда фоном для выражения требований, предъявляемых обществу. (Неконформизм революционеров XIX века, модель стоического мудреца в учении Сенеки и т. д. Неконформизм как протест против мещанских взглядов был существенной чертой художественной богемы.) Касаясь изображения конформизма в художественной литературе, следует обратиться к характеристике ряда литературных портретов в произведениях писателей различных стран: герой повести К. Филипповича «Памятник Антигерою»; Отто Бэббит, «воплощенный конформизм» в романе американского писателя С. Льюиса «Бэббит»; италья-

янский вариант конформизма — Марчелло с его стремлением быть таким, как все, — в «Конформисте» А. Моравио. Конформизм, воплощенный в этих образах, имеет ярко выраженную моральную (отрицательную) характеристику.

Иногда конформизм понимают как свойство, присущее людям определенного психического типа, — например, в исследованиях общественной психологии часто пользуются понятием «авторитарная личность». Такой подход был присущ, в частности, Знанецкому. В работе «Люди сегодняшние и цивилизации будущего» он утверждал, что в каждом современном обществе существуют три типа людей, формирующихся в период своего детства и юности тремя различными общественными кругами: воспитывающей средой (родители и школа), средой труда и средой увеселений, выделяя соответственно: а) людей, хорошо воспитанных; б) людей труда; в) людей зрелищ. У Знанецкого конформизм неотделим от «хорошего воспитания»¹.

При обыденной отрицательной оценке конформизма к этической эмоции часто присоединяется эстетическое осуждение: отвращение людей искусства к мещанству в большей степени было эстетическим. Конформист для нас — это человек невыразительный, «маленький человечек», бесцветный либо, подобно хамелеону, приобретающий любую окраску, не вызывающий положительных эстетических ассоциаций как в силу своей посредственности, так и из-за отсутствия физической красоты.

Нонконформизм обычно отличается совершенно иными эстетическими характеристиками, что легко проследить, обратившись, например, к истории автопортрета XIX–XX веков. Художники подчеркивают в своих автопортретах высокий лоб, выразительные глаза, экспрессивные руки или — в период романтизма — развеваемые «ветром творчества» волосы, небрежно наброшенный на плечи плащ — все то, что в различные эпохи означало бунтарство и одаренность.

Факт «униформизации» личности в буржуазном обществе несомненен. Эта тенден-

ция была подмечена еще в конце XIX века Дж. Ст. Миллем в его «Утилитаризме» и с ростом урбанизации все более усиливается, но попытки буржуазных социологов объяснить потерю индивидуальности как цену, которую вынужден платить современный человек за блага научно-технической революции, несостоятельны.

Между тем просвещенное человечество так и не выработало окончательного мнения относительно конформизма. Едва ли не первым ополчился против безропотного послушания Артур Шопенгауэр. Слова «конформист» тогда еще не было, его успешно заменяло «филистер». Толкуя про такой социальный персонаж, немецкий философ констатировал: «устрицы и шампанское — вот апогей его бытия». Цель жизни филистера — добыть все, что способствует его телесному благоденствию. Вот почему такой человек стремится, по мнению Шопенгауэра, к чину, богатству, власти и влиятельности. Оттого-то он и сговорчив во всем, что касается привычных общественных установлений².

Не жаловали филистеров ни Карл Маркс, ни Фридрих Энгельс. Оба с сарказмом критиковали тех, кто, как они выражались, был прикован к своей жизненной среде и не был способен на энтузиазм во имя свободы. Получил свое даже Гёте, который, по мнению классиков, был то колоссально велик, то безмерно мелок. В силу своего таланта он мог быть непокорным, а Гёте вел себя как довольный и узкий мещанин. Заодно получали на орехи все, кто испытывал мещанский трепет перед «великим ледоходом». Что таила в себе эта метафора, мы сегодня хорошо представляем.

В большевистской идеологии «филистера» заменили «обыватель» и «мещанин». Люди, которые выращивали хлеб, добывали уголь, торговали, воспитывали детей, приумножали собственный достаток, немедленно изобличались, поскольку не обнаруживали в себе революционного энтузиазма. Большевики звали людей на баррикады, а безропотные мещане тупо цеплялись за собственную

жизненную колею. Их вразумляли словом и пулей...

Советская историография изо всех сил прославляла бунтовщиков, повстанцев, мятежников, ниспровергателей. В героях числились те, кто умел проливать кровь, а в злодеях — кто подчинялся власти, обычаям и жизненным обстоятельствам. И тем не менее большевистская идеология впадала в неразрешимое противоречие, когда наряду с фанатизмом надо было распространять верноподданничество, идейное послушание, вождизм. Поразительные строчки Михаила Исаковского призывали не верить собственным очевидностям:

Мы так вам верили, товарищ Сталин,
Как может быть, не верили себе...

Понятие «конформизм» в литературе претерпело конкретное переосмысление. Вплоть до 1990-х годов оно имело безусловное критический и даже иронический оттенок. Этот механизм Э. Фромм сравнивал с защитной окраской некоторых животных: они настолько похожи на свое окружение, что практически неотличимы от него. Многие современные аналитики усматривают в поведении избирателей, готовых согласно проголосовать за «Единство», за Путина, предвещие авторитарности.

Опираясь на психологические опыты, проведенные в 1940–1950-х годах по разным методикам, многие психоаналитики и социологи утвердились в мысли о том, что конформность (уступчивость внешнему влиянию) является имманентным свойством индивидуального сознания. Успехи пропаганды все чаще объясняли податливостью сознания, а в самой пропагандистской технике усматривали искусство использования скрытых пружин конформизма.

Психоаналитики подчеркивали такие характеристики конформистски ориентированного человека, как стертость индивидуальности, стандартность, манипулируемость, консерватизм. Конформизм рассматривался как один из механизмов «бегства от свободы». Индивид перестает быть самим

с собой. Он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему в качестве общепринятого образца, и становится таким же, как все остальные, таким, каким его хотят видеть. Исчезает различие между собственным Я и окружающим миром, а вместе с тем пропадает и осознанный страх перед одиночеством и бессилием. Отказавшись от собственного Я и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги. Однако за это приходится платить утратой своей личности.

Э. Фромм анализировал также псевдомышление, которое известно лучше, чем аналогичные явления в сфере желаний и чувств³. Спросите рядового читателя газеты, развивает свою концепцию психоаналитик, что он думает о такой-то политической проблеме, и он вам выдаст как «собственное мнение» более или менее точный пересказ прочитанного. Но при этом он верит, будто все сказанное им является результатом его собственных размышлений. Если он живет в небольшой общине, где политические взгляды передаются от отца к сыну, он может не отдавать себе отчета в том, до какой степени «его собственное мнение» определяется авторитетом строгого родителя, сложившимся в детские годы. У другого читателя мнение может быть продуктом минутного замешательства, страха показаться неосведомленным — так что «мысль» его оказывается лишь видимостью, а не результатом естественного сочетания опыта, знаний и политических убеждений. То же явление обнаруживается и в эстетических суждениях.

Подавление критического мышления, как правило, начинается в раннем возрасте. Например, пятилетняя девочка может заметить неискренность матери: та всегда говорит о любви, а на самом деле холодна и эгоистична или, скажем, постоянно подчеркивает свои высокие моральные устои, но связана с посторонним мужчиной. Девочка ощущает этот разрыв, оскорбляющий ее чувства правды и несправедливости, но она зависит от матери, которая не допустит никакой крити-

ки, и, предположим, не может опереться на слабохарактерного отца, поэтому ей придется подавить свою критическую проницательность. Очень скоро она перестанет замечать неискренность или неверность матери. Она утратит, как считал Э. Фромм, способность мыслить критически, поскольку выяснит, что это безнадежно и опасно. Вместе с тем девочка усвоит шаблон мышления, позволяющий ей поверить, что ее мать искренний и достойный человек, что брак ее родителей — счастливый брак. Она примет эту мысль как свою собственную.

Утрата собственной личности и замещение ее псевдоличностью, подчеркивал Э. Фромм, ставят индивида в крайне неустойчивое положение. Превратившись в отражение чужих ожиданий, он в значительной степени теряет самого себя, а вместе с тем и уверенность в себе. Для того чтобы преодолеть панику, к которой приводит эта потеря собственного Я, он вынужден приспособляться дальше, добывать себе Я из непрерывного признания и одобрения других людей. Пусть он сам не знает, кто он, но хотя бы другие будут это знать, если он не будет вести себя так, как им нужно; а если будут знать они, узнает и он, стоит только поверить им.

Описывая проявление потребности человека в общении, Эрих Фромм критикует сложившееся в литературоведении представление о том, что всякое изображение героя-одиночки или бунтаря, а также описание поведения человека как неконформистского есть фактически отражение асоциальное индивида. На самом деле, отмечает Фромм, там, где обычно фиксируют асоциальность личности, можно обнаружить неутоленную потребность в общении, негативную форму внутренней социальности человека, возникшую как следствие разочарования в реальности и осознания неприемлемости сложившихся связей с другими людьми. Важно понять далее, что само конформное поведение может быть лишь стадией, переходящей иллюзией индивида, в действительности стремящегося к каким-то совершенно иным формам общности с другими людьми и лишь временно принимающего «идола» за «бога».

¹ См.: Знанецкий З. Люди сегодняшние и цивилизации будущего. СПб., 1998.

² См.: Шопенгауэр Ф. Афоризмы житейской мудрости. М., 1999. С. 20–24.

³ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.